№ 25 ИЮЛЬ МОСКВА 1942 ● ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА» ● ГОД ИЗДАНИЯ XXI ● ЦЕНА НОМЕРА — 40 КОП.

КРОКОДИЛ

Рис. Б. Пророкова

ЛУНИНЦЫ МЕТКОЙ СТРЕЛЬБЫ

(Советская подводная лодка под командованием Героя Советского Союза капитана 3-го ранга тов. Лунина торпедировала германский линкор «Тирпиц»)

Пловучий тир в Баренцовом море

РЯД ВЕСЕЛЫХ ИЗМЕНЕНИЙ «МИЛОГО» ЛИЦА

Рис. Н. Радлова

— Слыхали!..

— Рассказал один солидный человек... Не трепач...

— Да что вы говорите?..

— Уверяю вас!.. Это точно!..

— Вот так новость!..

— Пойти рассказать...

Нос

ЭТО не рассказ. Здесь не будут описаны какие-либо события. Я поставил перед собой более скромную задачу—дать беглый очерк одной нам хорошо знакомой личности.

Речь идет о Луке Лукиче.

Вот не уважаю я этого человека — и никто меня с этого рубежа сдвинуть не сможет. И честный он, кажется, парень, Лука Лукич. И работает, кажется, неплохо. И порядочен, кажется, я быу. И книги, кажется, читает. И вообще за ним, кажется, числится очень много разных достоинств.

А уважать его нет никакой силы-возможности. Да и не я один такой. Уверен, что когда читатель потрудится дочитать этот очерк до конца, то и он всецело присоединится к моему мнению.

Больше всего не нравится мне в почтенном Луке Лукиче его нос.

С легкой руки Гоголя, нос в русской литературе занял подобающее ему место. Осмелившись внести свой небольшой вклад в эту сокровищницу, я хочу со всей силой подчеркнуть, что отнюдь не собираюсь касаться физической стороны вопроса.

Не по душе мне нос Луки Лукича по чисто моральным соображениям.

Видите ли, в чем дело,— это нос без перспективы. Он никогда не смотрит прямо, вперед: он или задран в гору или приспущен долу.

Все зависит от тех или иных строчек в утренней газете.

В газете, скажем, сегодня написано, что наши части на энском участке фронта нанесли удар по противнику и заняли ряд населенных пунктов. Нос Луки Лукича начинает сразу карабкаться к потолку.

Мы все радуемся успехам нашей Красной Армии. Каждый из нас говорит:

— Хорошо! Значит, работать еще чище, еще горячей!

Но Лука Лукич настроен иначе. Он бодро потирает руки и, наслаждаясь ароматом папиросы, нежно воркует:

— О! Сейчас маленько и отдохнуть можно. Давно я, грешный, галстучка не надевал!.. А маскировку эту самую с нашего здания пора бы к чорту убрать... И почему у нас дежурные разные, вахтеры, пропуска? Все это, по-моему,— лишнее на сегодняшний день... «Серый камень, серый камень, серый камень — пять пудов. Тяжелее сера камня — распроклятая любовь...» Хороша песня!

Проходит неделя—другая. Лука Лукич рано утром прочел в газете, что наша часть на энском участке фронта вынуждена была отойти на новый рубеж, оставив ряд населенных пунктов.

И сразу чувствительный нос нашего героя скатывается с розовых высот в болотистую низину.

Мы все переживаем горечь неудач. Каждый из нас говорит:

— Война — это война. Что бы сегодня ни случилось, но завтра — мы это твердо знаем,— завтра встанет утро, увенчанное победой.

И еще мы говорим друг другу:

— Значит, надо, товарищ, работать чище, горячей!

Но Лука Лукич настроен иначе. Он нервно потирает руки и, бросив на пол недокуренную папиросу, угрюмо ворчит:

— О, ни минуты покоя, ни секунды отдыха!.. И к чему я напялил на себя этот дурацкий галстук?.. Нашел время!.. И зачем это под окном развели разные клумбы, цветочки?.. Нашли время!.. Чему улыбаетесь?.. Нашли время!.. Я сейчас совершенно не могу работать... Не то настроение, чтобы что-нибудь делать... И как это вообще можно теперь чем-нибудь серьезно заняться? Кто там за окном поет? Нашел время!.. «Серый камень...» Ужа !.. Ужас!.. И даже говорят, что будто бы...

Нос, повешенный на квинту, то бледнеет, то зеленеет. И блестят на носу капельки холодного пота.

Противно смотреть на него. Я имею в виду не нос, а его кислого хозяина.

Г. РЫКЛИН

Пиратская баллада

Плывут, потерявши компас и маршрут.
Плывут, некрасивые песни орут.

Валяются в зверской и подлой красе
И Зигфрид, и Готфрид, и рыцари все.

И вьется на мачте со свастикой флаг.
Все выпито к чорту из бочек и фляг.

Все съедено к дьяволу. И на борту
Голодные морды глядят в темноту.

В каюте азартная злая игра.
Последние ставки гребут шулера.

Последний, последний приходит рассвет,
Последний команда сбирает совет.

Тут первым выходит их главный актер,
Еще он геройского грима не стер.

Не бросив кривляться друзьям на беду,
И речь произносит почти как в бреду.

ГЛАВНЫЙ

Хотите цифр! Отчета ждете!
Не выйдет, рыцари! Шалишь!
Недаром нам гадала тетя,
Что все на свете снится лишь.

Я обещал вам сто Германий,
Подачки роздал на сто лет,
И, дулю спрятавши в кармане,
Вбил пулю в каждый пистолет.

Вы шли со мной по доброй воле.
Мы квиты, рыцари-друзья.
А вы, нажравшись мокрой соли,
Орете, дулами грозя!

Бей, сволочь! Только целься зорче.
Бей! Всем зарядом в морду грянь.
А я заговорен от порчи
И от твоей обоймы, дрянь.

Тут лезет на бочку плясать на костях
Еще один главный, мерзавец-толстяк.

Бросает он золото пьяным в лицо,
И рыцари тесно сдвигают кольцо.

ТОЛСТЯК

Не краля у Лары я кораллов,
У Карпа крейцеров не крал.
Но средь ваших генералов
Я главный обер-генерал.

Я беззаконье узаконю
И за дебош не расплачусь,
И до рассвета на драконе,
Как штопор, в облако вонжусь.

Затем без лишних проволочек
Стремглав спикирую на вас,
Герр обер Доннер Веттер — летчик,
Герр обер Дрекрегирунг — асс.

Тут лезет на бочку ученый горбун
И что-то лопочет, предчувствуя бунт.

ГОРБУН

Вчера от Кондора до Канда,
От Мандрагоры до Халвы
Гремела наша пропаганда
Она исчерпана, увы!

Вам не наскучили консервы.
Вас не шторма сбивают с ног:
У вас, друзья, плохие нервы,
И, значит, третий бьет звонок.

— Ты путаешь, дура! — кричат горбуну.
Вдруг кто-то: — Слабею!
Другой: — Я тону!
Десятый: — Мне тошно!
Пятнадцатый: — Брр...
Таким междометьем кончается пир.

Ворюги потеют, теряют жиры,
Теряют броню боевой кожуры...
Одна только звездочка в небе горит.
Баллада ломает слаженный ритм.

Корабль куда-то несется вскачь,
Сигает в штормах как циркач.

Когда балладу прочтет мой внук,
Пройдет он мимо балладных штук.

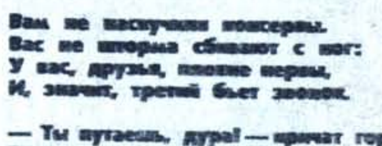

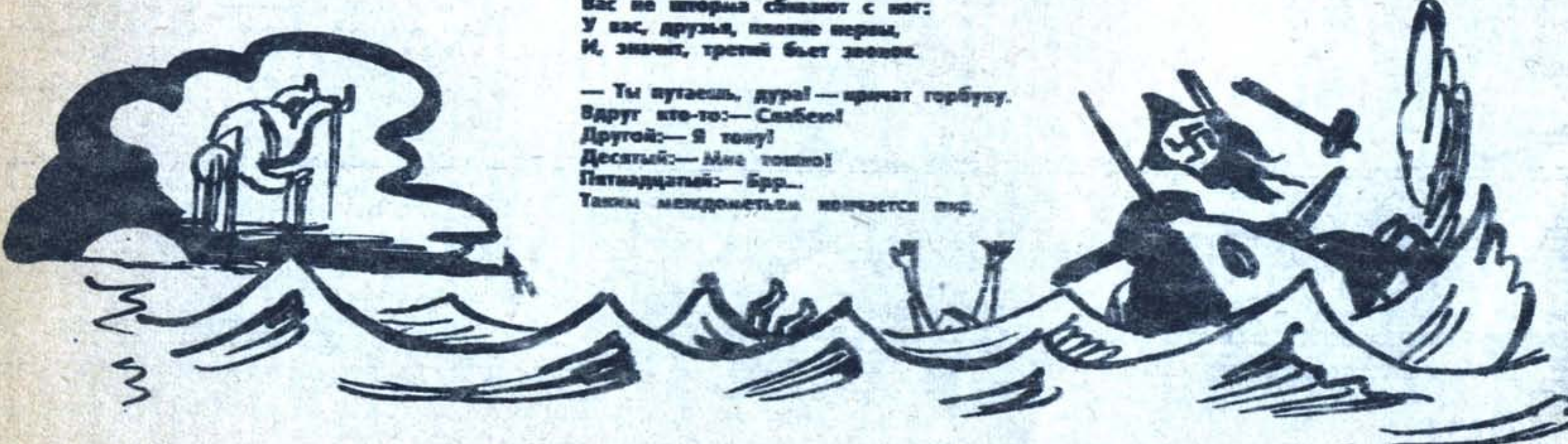
Увидит внук во весь разворот,
Что здесь намалеван фашистский сброд.

Ему не надо знать их имен.
Карикатурой здесь заменен

И Гитлер, и Геринг, и Геббельс, и др.
Их лица стерлись давно до дыр.

Павел АНТОКОЛЬСКИЙ

Иллюстрации Л. Бродаты

ОТ КРАЯ И ДО КРАЯ

Рис. Г. Валька

— Никак не предполагал, что партизаны знают столько языков: и русский, и польский, и чешский, и норвежский, и сербский, и французский...

Дымок

ОТТО Каартонен был в восторге: рана оказалась достаточно серьезной, и из госпиталя его отправили на поправку домой.

— Выздоравливайте,— сказал врач.

— Медленно, но верно,— благодарно ответил Отто и подумал: «Главное — мед-лен-но».

Первый его визит был к тетушке. Так приятно снова встретить родню и знакомых и поставить себя в центр внимания. Правда, лица у всех несколько вытянутые, но это понятно: они беспокоятся за его здоровье.

— Дорогие мои, сейчас я вам расскажу, как я получил эту роковую пулю,— сказал Отто, уютно устраиваясь в кресле.

Лежа в госпитале, он каждый день мысленно украшал пышными словами этот не особенно интересный рассказ, так что теперь, даже при желании, не смог бы сам разобрать, где суть и где отделка.

— Слушайте. Впрочем, нет. Тетя, у вас, кажется, слабые нервы, и вам, право же, лучше бы не слушать. Итак, я начинаю. Кругом прохотали орудия... Свинцовый дождь лился на наши головы... Смерть заглядывала нам в зрачки... Земля стонала и содрогалась!

Он обвел глазами слушателей.

«Очень обидно,— подумал он,— что от таких картинок не содрогаются родственники. Даже у хорошенькой кузины Алисы совсем будничное лицо. Но я сумею их расшевелить!»

— Мы ползли, как змеи,— продолжал Отто,— скользя среди камней к намеченной цели. Целью эта была домиком под гранитной скалой. Кругом рвались мины, взлетали в воздух фонтаны камней. Двери домика были закрыты, и только из трубы тонкой струйкой вился дымок...

Тетушка оживилась первая. Она встрепенулась, глаза ее заблестели под стеклами очков:

— Отто, мой мальчик, ты сказал: дымок? Но ведь если вился дымок, там, вероятно, топилась печка?

— Очень возможно,— согласился Отто.— Итак, я продолжаю. Огромный снаряд со зловещим свистом...

— Отто, голубчик! — взволнованно прервал дядюшка.— Ты стал рассеян. Ты перепрыгнул с самого захватывающего места. Ты говорил — дымок? Но, может быть, этот дымок пахнул чем-нибудь необыкновенным, например жареной картошкой, а? — при этом дядюшка сделал губами жевательное движение и громко проглотил слюни.

«Чорт возьми, не сознаваться же им,— подумал Отто,— что именно из-за этого вкусно пахнущего дымка мы и лезли напролом к избушке!»

Он сказал:

— Тут уж, знаете ли, разбираться не приходилось, чем он там пахнет. Мы встали во весь рост и кинулись к нашей цели. Удар приклада! Дверь в щепы! И вот тут-то из темноты раздался роковой выстрел!

— Ах! — вскрикнула кузина Алиса и закрыла бледноголубые глаза.

— Дорогая,— улыбнулся Отто,— не надо волноваться, все это уже позади.

— Ужасно! — страдальчески сказала кузина.— Значит, раздался выстрел? И вас ранило? И вы так и не узнали, от чего шел дымок? Что там жарилось, в этой печке? Может быть, там действительно была картошка, и эта глупая рана лишила вас такого ужина!

Отто поперхнулся, но все же постарался ответить по возможности галантно:

— Дорогая Алиса, я предпочел поужинать в вашем обществе — и вот я здесь! Никто лучше нашей тетушки не умеет жарить рыбу и кипятить молоко с жирной пенкой. Итак, может быть, мы перейдем в столовую?

— Нет, Отто, голубчик,— вздохнул дядюшка.— Не в столовую. За нашей рыбой, за нашим молоком и за нашим картофелем тебе пришлось бы идти гораздо дальше — в Германию! В Берлин! Потому что и наша честная финская корова и наша финская рыба...

— Умоляю! — прошептала тетушка.— Не говорите о вещах из потустороннего мира! Корова, рыба!.. Зачем тревожить дорогие тени? Отто, мой мальчик, может быть, ты продлишь свой приятный рассказ про дымок? Или, может быть, ты вспомнишь еще что-нибудь аппетитное в этом роде?..

В. ОГНЕВА

Золотые руки

Мы с подругой не гадали,
Что придет такой денек,
Что вытачивать детали
Встанем обе за станок.

Но у моей подруги
Золотые руки!
На шестые сутки ей признался
цех:

«От твоих подарков
Будет немцам жарко.
Ты из наших новеньких будешь
лучше всех!»

Я завидовать не стала,
Не заплакала созла —
Я как следует нажала
И подругу догнала.

Но у моей подруги
Золотые руки!

«Мы,— она сказала,— будем,
как в бою!»
Подмигнула глазом
И почти в два раза
Норму увеличила в этот день
свою!

Я отлично это помню:
«На работе, как в бою!»
И хоть очень нелегко мне,—
Все же я не отстаю.

И надн‹я›х начцеха
Нам сказал без смеха:
«Молодцы подружки! Слава вам и
честь!
От таких подарков
Будет немцам жарко!»
Мы не отрекаемся — это так и
есть!

Сергей ВАСИЛЬЕВ

РАЗНОСТОРОННИЙ ГЕББЕЛЬС

Рис. Бор. Ефимова

— Что это с господином Геббельсом?
— Диктует очередную информацию. Так ему легче придумывать все наоборот.

Метким ударом

(По столбцам красноармейской печати)

СРЕДИ ФРИЦЕВ

— Что же нам останется делать, когда в Европе будет создан второй фронт?

— Сдаться в плен на первом.

(«Красный кавалерист»)

У ФРАНЦУЗОВ

— Слышали?.. Около Парижа, в окрестности скотобойни Виллет, наши патриоты убили бомбой шесть немецких солдат...

— Значит, теперь в этих окрестностях уже не одна, а две скотобойни.

(«Красный кавалерист»)

СТАРЫЕ ЗНАКОМЫЕ

— Андрей Петрович! Слыхали про «Батю»?

— Ну вот! Спросил! Я и деда его знал.

— А про «Деда» слыхали?

— Еще бы! Я даже с батей его знаком!

(«Вперед на врага»)

В БРЕМЕНЕ

— До чего мил Эрих! В последнем письме он шлет мне тысячу воздушных поцелуев...

— Опять тысячу? Опять воздушных?

(«Вперед на врага»)

ВСЕ ЯСНО

Фриц:— ...и дурак и мошенник. Ты согласен?

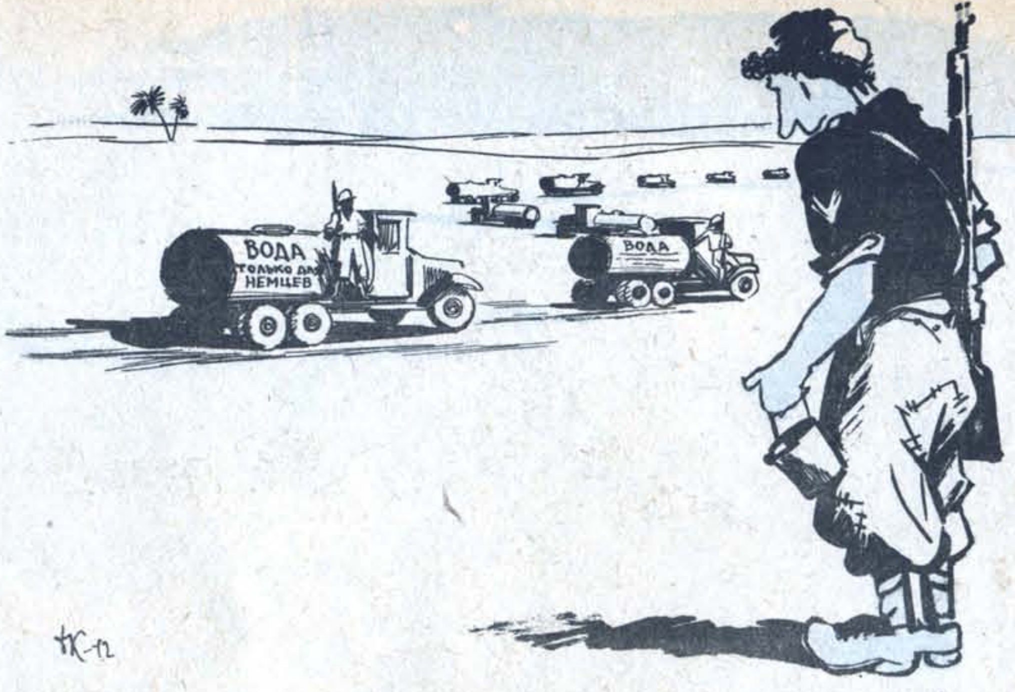
Ганс:— Да, скотина порядочная!

Ефрейтор:— Эй, вы там! Заткнитесь! Что: у вас другого разговора нет, кроме как про фюрера трепать языком?

(«Красный кавалерист»)

В ЛИВИИ

Рис. Б. Клинча

ИТАЛЬЯНСКИЙ СОЛДАТ: — Как много воды утекло с начала нашей дружбы с Германией!

Сложная душа

СЕМНАДЦАТИЛЕТНИЙ студент Ганс Шмерке сидел в городском парке на скамеечке и занимался несвойственными ему делами: он думал и грустил.

Думать Гансу всегда было трудно: его мыслительный аппарат работал медленно, тяжело, со скрипом.

Год назад он подрался в пивной с музыкальными клоунами-эксцентриками «2 Мюллер 2» и те полчаса играли на его голове в четыре руки пивными кружками.

Голова Ганса выдержала этот своеобразный экзамен на аттестат зрелости, но тот таинственный маховик, который ворочается в человеческом мозгу, рождая мысли, у Ганса Шмерке стал крутиться в два раза медленнее нормального.

Думал и грустил Ганс Шмерке вот по какой причине. На съезде фашистской студенческой молодежи в Зальцбурге, откуда Ганс вернулся два дня назад, один оратор сказал, что у молодого немца душа сложная. Почему-то эта фраза глубоко запала в сердце Ганса Шмерке. Впервые в жизни он подумал о собственной душе. Какая она у него: сложная или несложная? Ему ужасно захотелось, чтобы душа оказалась сложной. Это ведь очень приятно, когда про тебя говорят: «Видите этого молодого, красивого студента? О! У него сложная душа!»

Итак, Ганс Шмерке сидел на скамеечке в парке и грустно думал.

Скрипучий маховик медленно делал свои обороты.

«Для того чтобы про меня сказали, что у меня сложная душа,— думал Ганс,— надо совершить какой-то необычный поступок. Какой?»

Прошло полчаса. Маховик в мозгу Ганса Шмерке сделал новый оборот:

«Хорошо Альберту Гельмуту: он всегда ходит грустный, задумчивый, томный. Все думают, что у него сложная душа, а у него просто-напросто хроническая гонорея. Может быть, мне тоже есть смысл подцепить гонорею?..»

Прошло еще полчаса — маховик делал свое дело:

«Нет, не стоит. Лечение обойдется дорого и вообще... А что если я попробую придумать какой-нибудь новый способ смертной казни? Что-нибудь такое древнегерманское? Тогда про меня обязательно скажут, что у меня душа сложная!..»

Прошел еще час — от напряженной работы мыслительного маховика в голове Ганса Шмерке появилось какое-то неприятное дребезжание.

«Вешать? Уже вешаем! — думал Ганс.— Рубить головы? Давно рубим! Сажать на кол? Сажаем! Вот чорт, все способы расхватали! Отдавать на растерзание дикому кабану? А где взять кабана? А если и найдешь кабана, так его с голодухи растерзают сами палачи. Нет, тут я ничего не придумаю. Тут надо профессором быть, философом, докторскую степень иметь».

Гансу Шмерке снова стало грустно. Так вот и проживешь на белом свете без сложной души!..

Он закурил вонючую эрзацсигару из капустных листьев и, откинувшись на спинку скамейки, устало закрыл глаза. А когда снова открыл их, увидел, что рядом с ним сидит на скамейке сморщенная, тощая старуха в старомодном чепце, с сумкой для продуктов в руках.

Странное раздражение охватило Ганса Шмерке.

«Вот расселась старая ведьма! — подумал студент.— Она же мне будет мешать мыслить. Смотрит своими бельмами — только отвлекает!..»

— Фрау! — сказал Ганс Шмерке.— Я вас прошу отсюда уйти. Вы мне мешаете.

— Что? Кого смущаете? — спросила «старая ведьма», приложив ладонь к уху: она была, повидимому, глуховата.

— Убирайся отсюда вон! — заорал студент.

— Что? Какой звон? — переспросила старуха.

Тогда Ганс Шмерке быстро поднялся, взял старуху за шиворот и, повернув ее к себе спиной, дал ей такого пинка, что бедная «старая ведьма», перелетев через дорожку, упала на газон и завыла от боли и страха пронзительно, как сирена воздушной тревоги.

Судили Ганса Шмерке через два дня. Защищал его представитель местного отделения «Гитлер югенд союза». Он сказал блестящую речь, в которой с неопровержимой убедительностью доказал, что поступок Ганса Шмерке — не хулиганский поступок, что суд должен понять сложную душу молодого немца, что старуха в данном случае олицетворяла толпу и темную массу, над которой всегда царит герой с яркой индивидуальностью, что жизненные силы, бушующие в сердце каждого юного фашиста, ищут выхода и что Ганса Шмерке нужно понять и оправдать.

Суд так и сделал: понял и оправдал.

Из судебного зала Ганс Шмерке вышел гордый, значительный, с высоко поднятой головой. Еще бы! Ведь даже суд признал, что душа у него сложная.

Леонид ЛЕНЧ

ФАШИСТСКАЯ ТАРАТАЙКА

Рис. А. Каневского

— Ямщик, не гони лошадей!..

В тихом гарнизоне

Юный лейтенант Ганс Любке катил на извозчике по тихим уличкам маленького городка оккупированной Франции.

Настроение у него было превосходное. Подумайте, вместо страшного русского фронта он стараниями тети Марты попал во Францию, в страну Петэна и Лаваля!

И Гансу грезилась мирная жизнь маленького гарнизона: дружеские попойки в кругу офицеров, легкие интрижки с пикантными французенками, семейные чаепития в гостях у почтенных буржуа...

Пока экипаж трусил по направлению к гостинице, Любке решил потолковать со стареньким извозчиком:

— Ну, как дела, приятель?

Старик покосился на пассажира и неожиданно вытянул кнутом гнедую клячонку:

— Какие уж тут дела, месье? Сами видите, кого возить пришлось!..

Так как в этот момент вез он самого Ганса, то презрительно горький тон, которым были сказаны эти слова, показался лейтенанту несколько странным в устах лойяльного подданного маршала Петэна.

— Возите вы теперь немецких офицеров, приятель... Что ж, вы недовольны, что ли?

Извозчик снова вытянул кнутом ни в чем неповинную лошаденку:

— Разно бывает, месье... Хромой Пьер, например, очень доволен... Каждый вечер хвастается... «Ты,— спрашивает меня,— сколько немецких офицеров свез?» «Одного,— отвечаю...» «А я,— говорит,— опять трех...»

— Должно быть, у него лошадь получше,— поучительно заметил Ганс.

Старик опять покосился на разговорчивого седока:

— Лошади — что! Экипаж понарядней будет... Известно, катафалк...

— Что-о?!

— Катафалк, говорю... Пьер — кучер на катафалке...

Яркое французское солнце померкло в глазах юного лейтенанта Ганса Любке. Прогулка в нарядном катафалке с плюмажами прельщала его не больше, чем братская могила на русском фронте.

— А что, много в вашем городе умирает немецких офицеров?— запинаясь, спросил он.

— Слава богу, от других городов не отстаем.

Юный лейтенант вспотел:

— И от чего же они умирают?

— Смерть приходит...

— Да я не о том спрашиваю,— Любке сделал нетерпеливый жест рукой.— Немецкие офицеры умирают своей смертью, так сказать естественной, или насильственной?..

Извозчик повернулся к седоку вполоборота и обиженно сказал:

— Что вы, месье, помилуйте! Самой что ни на есть естественной... Майора фон Зельца ночью застрелили из окна. Лейтенанта Кранца задушили в гостинице. Ротмистра Зибеля убили за городом, когда он охотился за крестьянскими девушками. Недавно прибывшего лейтенанта Куртиха свои же трахнули пивной бутылкой по голове. Обер-лейтенанта Зюпе взорвали на улице Равенства вместе со всеми...

— Довольно!—заорал Ганс и сердито ткнул кулаком в тощую спину старика.— Замолчи! А то...— и он выразительно дернул кобур от револьвера.

До самой гостиницы ехали молча. У Ганса ныло сердце. Вот тебе и тихий гарнизон, вот и интрижки с пикантными французенками, вот и страна Петэна и Лаваля! Старая чертовка тетя Марта все набрехала!

В гостинице юного офицерика встретил командир батальона майор Штиклвассер:

— Вы что, с ума сошли, лейтенант?

— Что такое, господин майор?

Господин майор от ужаса только мигал воспаленными веками:

— Как это вы решаетесь, не зная города, сесть на первого попавшегося французского извозчика? А если бы он завез вас чорт знает куда? А если бы его сообщники пырнули вас ножом? Вам плевать на это, лейтенант, а у меня убыль в офицерах совсем как под Верденом...

Ганс Любке, которому совсем не было плевать на то, пырнут его ножом или нет, побелел, как мел.

— Но я... я... я...—залепетал он,— не знал, что здесь такая обстановка... Я думал...

— Вы думали, что едете в детский сад? В санаторий маршала Петэна?

— Нет, нет, господин майор... Но я читал в газетах, что немцев во Франции забрасывали цветами...

Красноглазый Штиклвассер грубо захохотал:

— Правильно, юноша. Действительно, когда мой батальон вступил в этот город, французы из окон забрасывали его цветами... Только некоторые по рассеянности кидали цветы вместе с цветочными горшками... И одна такая увесистая кадка попала в голову вашего предшественника, лейтенанта Штуббе... Если хотите навестить его могилу...

Но Ганс не хотел навещать могилу своего предшественника. Ганс вообще ничего не хотел, кроме того как сесть обратно в вагон и укатить домой, в Баварию — к маме, папе, кузине Лине и тете Марте.

Ему больше не грезилась мирная жизнь тихого гарнизона.

Евг. БЕРМОНТ

Из альбома КРОКОДИЛА

«Цу хаузе»

Автор этой выразительной карикатуры — немецкий солдат Герберт Пухт.

На карикатуре (справа, в углу) фриц роет не то окоп, не то могилу, что, впрочем, для фрица, брошенного на передовые позиции советско-германского фронта, абсолютно одинаково.

О чем же мечтает фриц, изображенный справа? Фриц не делает из этого никакого секрета: он мечтает о том, как бы выжить, как бы поскорее унести ноги с фронта и добраться домой.

Хотя, как видно из дорожного указателя, фрицу до фронта всего два километра, а до дома — тысяча двести километров, все же он не дурак и, оседлав зайца, мчится верхом «цу Хаузе» — домой.

Сладкие мечты Герберта Пухта были прерваны пулей советского снайпера.

Печатая с удовлетворением посмертное произведение Пухта, мы говорим:

— Молодец! Спасибо!

Это мы говорим не немецкому карикатуристу, а нашему снайперу.

Сначала венец, потом конец

«Вилли!

Итак, с пятницы пошла третья неделя, как мы с тобой обвенчались, и ты уже далеко. Как это все произошло неожиданно и глупо!

Тебя обманули, мой мальчик: оказывается, ты поехал не во Францию, а в Россию. О, это ужасно, мой дорогой! То, чего ты боялся, произошло. Тетка Гертруда вчера была у нас и рассказывала — она была в лазарете, и ей там говорил один раненый офицер,— что наши солдаты в России болеют тифом, плохо питаются и скверно выглядят. Неужели это правда? Ведь в газетах все время пишут о том, что на Восточном фронте хорошо кормят. Берегись, Вилли! Тиф — это ужасная болезнь. А если тебе мало еды, старайся доставать у русских крестьян, да не стесняйся, а то будешь голодным! Тетя говорит: у русских крестьян много сала и масла, но они не дают нашим солдатам, прячут так, что не скоро найдешь. Попугай их пистолетом — и они отдадут тебе. Другие так делают, и они достают. Впрочем, зачем мне тебя учить: ведь ты и сам догадаешься.

Еще просьба. Будь осторожен, не старайся особенно показать себя, не напрашивайся на опасные дела. Чорт с ними, с наградами и крестами, лишь бы ты вернулся домой живым. Ах, эта проклятая война! Ты, наверное, еще не знаешь: наш сосед Леонгард убит в России. Мать его при смерти от этой вести. Еще бы! Ведь он у нее единственный сын. Убит также Август Дучинц. Пауль Шмитгольд прислал письмо из госпиталя из Варшавы: ему миной оторвало обе ноги. Ранены Эрлих Штарт, Иозеф Крайнц, Иоганн Берг. Какой-то кошмар! Вчера вечером видела Дупнеля; у вас в колбасной тоже многих уже нет: Мейль убит, Хартин тоже, Луйберг ранен.

Ну, готт мит унс (с нами бог)! Я думаю, ты вернешься в свой Мюнхен; у нас все по-старому. Маменька хотя и плачет по тебе каждый день, но здорова, она все дни пропадает в лавках, хотя и купить там нечего.

Да, Вилли! Я задумала сшить себе халат. Не достанешь ли ты там немножко шолку на отделку? Желательно брусничного цвета. У русских хорошее льняное полотно, не достанешь ли? Оно пригодилось бы на чехлы к мягким креслам и дивану. Нет ли там мехов на воротник? Поищи. Ну, будь здоров, Вилли!

Твоя Эльза».

* * *

Это письмо я нашел в кармане убитого унтер-офицера Вилли Кюндера. Мюнхенский колбасник лежал на русской земле, широко раскинув руки. Советская мина успокоила бандита навсегда. В конверте вместе с письмом лежала фотография: унтер, одетый в парадную форму, стоит со своей невестой. В ранце у него лежали два куска отбельного холста. Он не успел послать его в Мюнхен. Грабитель и мародер Вилли Кюндер, как и тысячи других бандитов из гитлеровской грабьармии, приказал долго жить. Как говорит русская пословица: «Конец — всему делу венец». Правда, поговорка вышла немного наоборот: сначала венец, потом конец.

Действующая армия.

Ив. ЕГАРМИН,
старший политрук.

Мастер на все руки

Что изображено на этой карикатуре?

Грязный и вшивый фриц, в рваном обмундировании, с обросшей и испитой физиономией, собирается с фронта в отпуск домой. Вот узел с награбленным барахлом, а вот и лошадка на колесиках с надписью «Майн пферд» — «Моя лошадь».

Кто этот фриц? Рядовой Иоганн Новак. Кто автор этой карикатуры? Он же, рядовой Иоганн Новак.

Оказывается, Иоганн Новак — мастер на все руки. Он и порисовать горазд, он и повоевать непрочь... если бы не так сильно и метко стреляли советские бойцы.

Иоганн Новак всего месяц назад приехал на русский фронт. И, пробыв только несколько дней на передовых позициях, твердо решил сдаться в плен. Не расспрашивая товарищей: «Где тут плен?»,— хитрый Иоганн Новак в первом же бою обратился с этим вопросом к красноармейцам и получил у них исчерпывающий ответ.

Таким образом, все остались довольны: и Иоганн Новак, благополучно вышедший из игры, и бойцы, взявшие еще одного пленного, и наши читатели, которые, вероятно, охотно посмеются не только над карикатурой, но и над ее незадачливым автором.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Рукописи не возвращаются

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. „Правды“, 24; тел. Д 3-33-50; Д 3-33-47. Прием ежедн. с 1 до 5 час. Подписная цена на журнал—1 р. 60 к. в месяц.

Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда“

Москва. Изд. № 555 Подп. к печати 22/VII 1942 г. Статформат 72×105 см. Печ. л. 1. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000

А 50947 Типография газ. „Правда“ имени Сталина, Москва, ул. „Правды“, 24. Заказ № 1945. Тираж 200 000 экз.

ХУЖЕ ЗВЕРЕЙ

Рис. Л. Бродаты

— Кто скажет, что я плохо отношусь к детям! Вот одежонку с твоего мальчишки я и беру для моего Ганса.